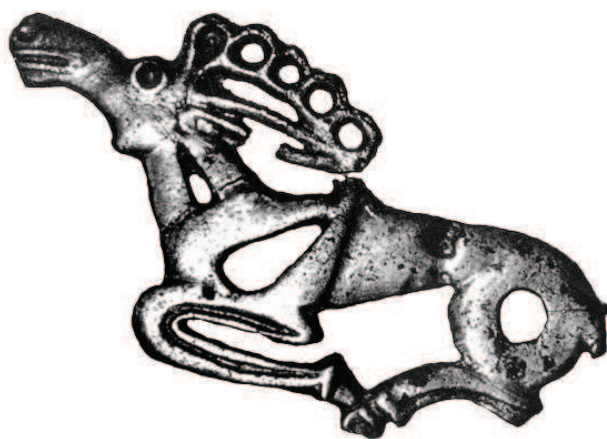

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Кемеровский государственный университет»
Кафедра археологии

АРХЕОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Выпуск 25

*Сборник научных трудов,
посвященный 80-летию со дня рождения
Якова Абрамовича Шера*

КЕМЕРОВО
2011

УДК 902/904(058)''502''
ББК Т4(2Рос5)2с.я54
А87

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

Редакционная коллегия:

докт. ист. наук Л. Н. Ермоленко (ответственный редактор),
докт. ист. наук В. В. Бобров, докт. ист. наук О. С. Советова

А87 **Археология Южной Сибири. К 80-летию Я. А. Шера. Вып. 25. –**
Кемерово: РИО КемГУ, 2011. – 200 с., 4 с. цв. вкл. – ISBN 978-5-8353-1128-6

Сборник научных трудов кафедры археологии Кемеровского государственного университета посвящен 80-летию со дня рождения профессора кафедры Якова Абрамовича Шера – маститого ученого, труды которого известны как в России, так и за рубежом. Обширная тематика сборника, не укладывающаяся в географические рамки Южной Сибири, обусловлена широтой научных интересов юбиляра. В сборник вошли статьи исследователей из России, Казахстана, Узбекистана, Австралии, Франции, США, посвященные теоретической археологии и статистическому анализу археологического материала, проблемам изучения изобразительных памятников (палеолитического искусства, петроглифов, металлопластики, каменных изваяний), историографии и музеефикации археологических памятников, а также политическим аспектам археологического наследия. Книга рассчитана на широкий круг специалистов – археологов, культурологов, искусствоведов, музееведов, а также студентов.

ISBN 978-5-8353-1128-6

ББК Т4(2Рос5)2с.я54

©Авторы статей, 2011
©ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», 2011

Е. А. Миклашевич

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

ВЫЯВЛЕНИЕ НОВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ИЗУЧЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА. НЕИЗВЕСТНЫЕ ПЕТРОГЛИФЫ СУХАНИХИ

Каждый крупный памятник наскального искусства, подобно айсбергу, имеет видимую часть (то, что на поверхности, «над водой»), и невидимую (то, что скрыто от глаз, «под водой»). «Видимая» часть – это то, что видно сразу и всем при посещении памятника; что показывают туристам и коллегам-археологам; что мелькает из публикации в публикацию; что фиксируется исследователями при обычном «быстром» методе документирования, нацеленном на скорейшую публикацию результатов и закрепление своего приоритета за тем или иным памятником; это наконец то, чем, увы, представлено большинство крупных местонахождений наскального искусства в имеющихся на сегодняшний день публикациях.¹ Разумеется, для профессионала эта видимая часть больше, чем для обычного посетителя, а для профессионала, более внимательного, более опытного или дольше работающего на конкретном памятнике, больше, чем для поверхностного исследователя. Разумеется, публикации зачастую не отражают истинного положения дел с документированием того или иного памятника: в архивах у многих исследователей лежат гораздо более полные коллекции материалов, ждущие своего часа для издания или возможностей для завершения тщательного документирования. Кроме того, недостаточная полнота представления некоторых памятников в публикациях бывает связана не столько с недостатками документирования, сколько с ограниченными полиграфическими возможностями. И все же, принимая все это во внимание, хотелось бы подчеркнуть, что «подводная» часть у любого айсберга всегда есть: каждый памятник потенциально несет в себе намного больше информации, чем это представляется. Мы не говорим сейчас об информации, связанной с археологическим контекстом наскальных рисунков, их топографии, взаиморасположении, связи с природным окружением и т. п. Это отдельная большая тема. В данном случае мы говорим лишь о той

части информации, которую можно получить из самих рисунков, а точнее, из их, упрощенно говоря, «количества». На наш взгляд, чем больше выявлено композиций и отдельных изображений на каждом памятнике наскального искусства, и чем точнее они скопированы, тем больше возможностей для понимания памятника в целом, тем более достоверными будут культурно-хронологические атрибуции и семантические интерпретации отдельных сюжетов и групп рисунков.² Ни один памятник наскального искусства не дошел до нас в первозданном виде, природные факторы разрушения скал действуют неумолимо всегда и везде, это факт, от которого никуда не деться. Мы пытаемся строить наши интерпретации на заведомо неполной информации. Как отмечают исследователи Шалаболинской писаницы, «... мы вынуждены пользоваться отрывочными сведениями, “вырванными” из общего контекста исконного изобразительного ряда композиций. Соответственно, “пунктирный” вариант восприятия исследователем изначального художественного пространства далеко не объективен» [Заика, Дроздов, 2005, с. 115]. Принимая это как данность, мы все же можем и должны добиваться того, чтобы хотя бы эта дошедшая до наших дней часть информации о памятнике была выявлена для исследования и введена в научный оборот максимально полно. Существует несколько возможностей получения новой информации на, казалось бы, хорошо известных памятниках.

Во-первых, это расчистка плоскостей с петроглифами от лишайников. Она не только позволяет существенно уточнить детали некоторых плохо видимых из-за лишайника рисунков, но и выявить совершенно новые плоскости, которые были так плотно покрыты лишайниками, что казались лишенными изображений вовсе. Обычно расчистке подвергаются те плоскости, где рисунки еще частично видны. При этом исследователи не обращают внимания на полностью «зарос-

¹ Имеется в виду литература по петроглифам Сибири, Средней и Центральной Азии. За немногими исключениями большинство монографий представляют памятники не полно, не точно и не адекватно.

² Для нас безусловной является необходимость абсолютно полной фиксации всех изображений документируемого памятника, сформулированная А. В. Адриановым и позже А. П. Окладниковым, и поэтому мы никак не можем согласиться с рассуждениями о том, что какие-то «изображения можно не фиксировать», что «исследование наскального искусства требует избирательности», и тем более, что «когда приходится иметь дело с масштабными по размерам панно, да к тому же и со сложными сюжетами, это (документирование каждой фигуры. – Е. М.) невозможно и нежелательно» [Франкфор, Якобсон, 2004, с. 58, 59].

шие» скалы. Они кажутся дикими, нетронутыми рукой человека. Между тем наш опыт работы на самых разных памятниках Сибири показывает, что под лишайниками скрывается огромное количество совершенно не видимых глазу петроглифов. Так, например, предпринятая в 2008 г. целенаправленная расчистка от лишайников плоскостей горы Бычихи на р. Сыда увеличила источниковый фонд петроглифов этого, достаточно хорошо известного памятника, практически на треть [Миклашевич, 2008, с. 195]. Существенно увеличилось количество новых плоскостей в результате расчистки лишайников в 2005–2008 гг. на петроглифах Пегымеля (Чукотка), при этом были обнаружены принципиально новые для памятника образы и сюжеты [Дэвлет и др., 2009, с. 215; Дэвлет, 2010, с. 184]. Расчистка от лишайников Новоромановской писаницы на Томи, предпринятая в 2007–2008 гг. выявила столь много новых изображений, разительно отличающихся от известных по публикациям, что кардинально изменила представления об этом памятнике и о наскальном искусстве Притомья в целом [Ковтун и др., 2010, с. 84, рис. 4–2, 5–1].³

Во-вторых, удаление отложений под плоскостями и около них открывает иногда новые изображения и целые плоскости, расположенные ниже известных или рядом с ними. Так, например, множество новых петроглифов было открыто А. Л. Заикой в результате раскопок у подножия скал и расчистки склонов от наносов и осыпей на памятниках Среднего Енисея. Особенно последовательно это направление исследований осуществляется на Шалаболинской писанице на р. Тубе. В результате многолетней, чрезвычайно трудоемкой работы, ведущейся с 2001 г., выявлены десятки совершенно новых интереснейших композиций [Заика, 2005; Заика, Дроздов, 2005; и др.], в какой-то степени меняющих наше представление об этом, казалось бы довольно полно изученном памятнике. Расчищенные от земли петроглифы, кроме всего прочего, демонстрируют намного лучшую степень сохранности, чем рисунки на открытых плоскостях, веками подвергавшихся выветриванию, и тем самым предоставляют большие возможности для изучения техники и последовательности их нанесения.

В-третьих, весьма результативен поиск скальных обломков с изображениями непосредственно под плоскостью, а также на склоне под ярусом с петроглифами в отложениях или в перевернутом виде. Естественная деструкция скал приводит к тому, что от плоскостей отваливаются отдельные фрагменты скальной корки с рисунками, а из массива выпадают целые скальные блоки. Эти фрагменты, конечно,

чаще всего уже утрачены навсегда: скрыты под склоновыми отложениями, покрыты мхом и лишайниками, а неподъемные блоки съехали вниз по склону и лежат изображениями вниз. Но все же внимательный осмотр площадок около плоскостей с петроглифами и нижележащих склонов позволяет выявить часть этих утраченных изображений. Так были собраны Н. В. Леонтьевым и В. Ф. Капелько отслоившиеся фрагменты скальной корки с рисунками под плоскостью с таштыкскими гравировками на оз. Тус в Хакасии, что позволило выполнить ее реконструкцию, экспонирующуюся в Хакасском национальном краеведческом музее. Наиболее показательный пример пополнения источниковой базы памятника за счет выявления рисунков на отделившихся от скал блоках – обнаружение целой серии камней с изображениями на склонах местонахождения на р. Пегтымель [Дэвлет и др., 2005, с. 11, рис. 17, 20, 25, 26; Дэвлет и др., 2009, с. 215, рис. 2, 3, 6; Дэвлет, 2010, с. 180–184].

В-четвертых, неоднократный осмотр плоскостей – с уже известными изображениями и тех, что на первый взгляд кажутся пустыми – в разное время суток, при разном освещении, с разной влажностью, с использованием увеличительных стекол и искусственно созданного косого освещения (метод черной пленки, ночная фотография и др.), все это позволяет выявить стертые, выветрившиеся выбитые изображения, выцветшие крашенные рисунки, прошлифованные или поверхностно протертые, выполненные тончайшей резной линией, и т. д. Так, на Шалаболинской писанице были обнаружены многочисленные новые изображения, выполненные охрой, гравировкой, выбивкой, протиркой, «выявлены факты преднамеренного уничтожения петроглифов в древности», когда зашлифовывались старые фигуры, а на их месте создавались новые. Такие палимпсесты оказались особенно характерными для рисунков окуневской традиции, что позволило исследователям выявить последовательность создания разных типов окуневских изображений, отличающуюся от принятой периодизации [Заика, Дроздов, 2005, с. 111–113]. На писанице у с. Нижняя Тея в Хакасии выявлены едва заметные рисунки, выполненные в технике «протира», ранее для писаниц этого региона не отмеченной [Миклашевич, 2008, с. 192]. На верхнем фризе Томской писаницы обнаружено несколько изображений солнцеголовых фигур, причем некоторые фигуры, выполненные выбивкой, были известны, а вот лучи вокруг их голов, выполненные прошлифованными и резными линиями, ранее замечены не были [Ковтун и др., 2005, рис. 1–3]. Это открытие существенно подкрепило высказывавшиеся многими исследователями

³ О проблеме «чистить или не чистить» скалы от лишайников см.: [Миклашевич, Мухарева, 2011].

сомнения по поводу датировки Томской писаницы эпохой камня в пользу отнесения памятника к эпохе бронзы. На Старой Залавруге, одном из самых известных и хорошо документированных местонахождений наскального искусства Карелии, при использовании метода «черной пленки» (создание с ее помощью косого освещения) выявлено около 300 новых фигур в дополнение к 190 известным ранее! [Лобанова, 2006]. Полученные материалы «существенно меняют общепризнанные представления исследователей о генезисе древнего наскального творчества Беломорья» [Там же, с. 127].

Таким образом, перечисленные методы, примененные в последние годы на ряде хорошо известных, казалось бы полностью документированных и уже опубликованных местонахождений, не просто значительно увеличивают источниковый фонд того или иного памятника, меняя представление о нем, но и заставляют существенно, а иногда и радикально, пересматривать хронологию и атрибуцию петроглифов, отказываться от некоторых, ставших чуть ли не хрестоматийными интерпретаций.

О том, как много изображений можно выявить с помощью подобных методов, писал еще А. В. Адрианов, имея в виду енисейские писаницы: *«Материал этот, несмотря на то, что очень много его уничтожено, поразительно огромен; можно сказать, что все утесы, с самого низа, прикрытого землей, и до верха исписаны не только на видных местах ... но и в самых опасных укромных местах, в вершинах логов, на едва приступных карнизах и выступах скал ... находятся писаницы, иногда покрывающие склон на десятки квадратных аршин. ... Известный в литературе материал составляет ничтожнейшую долю того, что есть в действительности ... Мы пробовали ... откапывать землю у подножия утесов и находили там писаницы, пробовали отмывать затянутые илом грани, отчищать покрытые лишайниками, и там находили прекрасно сохранившиеся фигуры. Лазание по утесам, осмотр гладких граней камня, где бы они не находились, всегда вознаграждали наш труд»* [Адрианов, 1904, с. 32, 33].

Сейчас, по прошествии века со времени подвижного труда А. В. Адрианова, выполнившего на очень высоком уровне документирование многих писаниц Южной Сибири, его материалы (эстампажи, натирки на миткаль, фотографии) представляют еще один источник пополнения информации по памятникам наскального искусства. Как показало специально проведенное исследование, за 100 лет утеряна довольно значительная часть того, что было зафиксировано Адриановым. Причины утрат: естественная деструкция, затопление береговых памятников водохранили-

щем Красноярской ГЭС, выломка камня на местонахождениях, посетительские надписи поверх древних рисунков. Во многих случаях сделанные Адриановым копии и фотографии остались единственными источниками информации о навсегда утраченных петроглифах. Эстампажи Адрианова позволяют восстановить утраченную Лянищенскую писаницу, погибшую от каменоломни часть Сулекской писаницы и многие другие, а его же фотографии – утраченные фрагменты памятников наскального искусства Енисея, Томи, Тувы [Миклашевич, Ожередов, 2008]. Есть и другие источники для подобных разысканий: например, фотографии, выполненные по заданию Минусинского музея в 1939 г. В. Л. Гончаровым, позволили восстановить рисунки одной из утраченных плоскостей Майдашинской писаницы [Ковалева, 2009]; много информации можно почерпнуть из фотоматериалов Красноярской экспедиции, в их числе – высокого качества фотографии, сделанные Я. А. Шером в 1960-х гг. на памятниках, многие из которых потом погибли в результате затопления водохранилищем. Прекрасный пример восстановления целого комплекса памятников в долине р. Куды в Иркутской области продемонстрировала работа В. С. Николаева и Л. В. Мельниковой [2008]. Из девяти известных здесь памятников наскального искусства, четыре ко времени начала их собственных полевых работ были полностью или частично уничтожены, но исследователи максимально восстановили утраченную информацию по архивным, опубликованным и музейным данным. Таким образом, архивно-музейные изыскания можно считать пятым способом пополнения информации по памятникам наскального искусства.

Высказанные соображения хотелось бы проиллюстрировать на примере одного из самых крупных местонахождений Среднего Енисея, в исследование которого значительный вклад внес и Я. А. Шер, 80-летию которого посвящен данный сборник, – петроглифов горы Суханихи. Этот великолепный памятник, наверное, не оставил равнодушным никого из тех, кому посчастливилось побывать на нем. А среди них не только сам юбиляр, но и многие из авторов статей, публикуемых в посвященном ему сборнике. Ситуация, связанная с документированием Суханихи, в общем-то, типична для многих памятников Минусинской котловины: исследуется уже более ста лет, история изучения связана с десятками имен, у целого ряда исследователей и в разных музеях хранятся коллекции копий, прорисовок и фотографий, опубликованы очень многие отдельные рисунки и сцены, неоднократно предпринимались попытки полного документирования, но монографической публикации до сих пор нет. Разумеется, для широкой научной общест-

венности неизвестными остаются все, за исключением опубликованных, петроглифы Суханихи, а это еще сотни рисунков. Но при этом достаточно большое число исследователей, работающих в регионе, знакомо с неким сформировавшимся корпусом источников и имеет довольно полное представление о памятнике. Не касаясь сейчас вопроса о необходимости монографической публикации петроглифов Суханихи, хотелось бы представить вниманию коллег некоторые новые материалы, дополняющие наше представление об этом известном памятнике.

Гора Суханиха расположена на правом берегу Енисея, в 12 км выше устья Тубы, в Минусинском районе Красноярского края. Петроглифы здесь сосредоточены несколькими обособленными скоплениями на береговых утесах и во внутренних логах скального массива на вертикальных блоках девонского песчаника, тянущихся ярусами по склонам. Впервые наскальные изображения Суханихи в 1904 г. обследовал А. В. Адрианов, открывший 6 из выделяемых сейчас семи скоплений. Он сделал подробные описания скопированных им плоскостей, снял 96 эстампажей и 11 фотографий⁴ [Адрианов, 1904, с. 28; 1906, л. 27–41]. Во второй половине XX в. в разные годы памятник исследовался Я. А. Шером, Н. В. Леонтьевым, В. Ф. Капелько, М. А. Дэвлет, Б. Н. Пяткиным, О. С. Советовой, А. Л. Заикой и мн. др. Было опубликовано довольно много отдельных рисунков и композиций [Леонтьев, 1978, рис. 2; 1980, рис. 3; Шер, 1980, рис. 65; Дэвлет, 1982, рис. 1–3; Francfort, Sacchi, 1993, fig. 39–45; Miklashevich, Pyatkin, 1998, Fig. 1–9; Советова, Миклашевич, 1999, табл. 1–1, 2–4, 3–5, 4–3, 5–3, 6–1, 7–4, 8–2; Советова, 2005, рис. 4, 5, 19, 31, 32, 34, 36; Anninsky *et al.*, 2007, pp. 82–117; и др.]. Неоднократно ставилась задача полного документирования памятника: в конце 1970-х гг. наиболее полное обследование и копирование было произведено Н. В. Леонтьевым и В. Ф. Капелько; в 1980–1984 гг. с этой же целью работала экспедиция КемГУ под руководством Б. Н. Пяткина, работа продолжалась в 1990 г., было скопировано около 800 фигур [Miklashevich, Pyatkin, 1998; Советова, Миклашевич, 1999, с. 50]; в 1992–1996 гг. работы на Суханихе проводились Французско-Российской экспедицией под руководством Я. А. Шера и А.-П. Франкфора [Francfort *et al.*, 1993; Шер и др., 1997]. В 2002 г. по проекту Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства «Сохранение, консервация и музеефикация памятников нас-

Рис. 1. Расположение горы Суханиха.

кального искусства» с привлечением специалистов из ГосНИИ Реставрации, нами проводилось специальное обследование состояния памятника, особенно состояния петроглифов на береговом склоне, разрушающемся Красноярским водохранилищем [Миклашевич, 2002, с. 10]. В 2003 г. по проекту ЮНЕСКО CARAD (Central Asian Rock Art Database) по созданию базы данных памятников наскального искусства Центральной Азии было заново начато документирование всего комплекса наскальных изображений Суханихи [Миклашевич, 2004, с. 23, 24], продолжающееся и сейчас. Задачами документирования являются не только копирование всех петроглифов комплекса на современном уровне, но и картографирование, определение границ местонахождений, индексация, составление индексированных фотопанорам, а также документирование повреждений.

Мы выделяем семь отдельных местонахождений, расположенных в различных частях горного массива Суханихи (рис. 2, 3).

Суханиха I – береговые утесы на западном склоне.

Суханиха II – имеющий очень большую протяженность лог (среди исследователей известный как Третий) в южной части горного массива, расположенный перпендикулярно береговой линии. Рисунки нанесены на скальные выходы нескольких горных гряд юго-восточного склона.

Суханиха III – местонахождение на юго-восточном склоне небольшой возвышенности между пунктами Суханиха II и IV.

⁴ Описания памятника содержатся в рукописи А. В. Адрианова «Писаницы Енисейской губернии. Отчет за 1904 г.», один вариант которой хранится в архиве Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета [д. № 55], а другой – в Рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН [ф. 2, оп. 2, № 12]. Часть эстампажей Суханихи хранится в фонде Отдела археологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в Петербурге, местонахождение фотографий и остальных эстампажей пока не установлено.

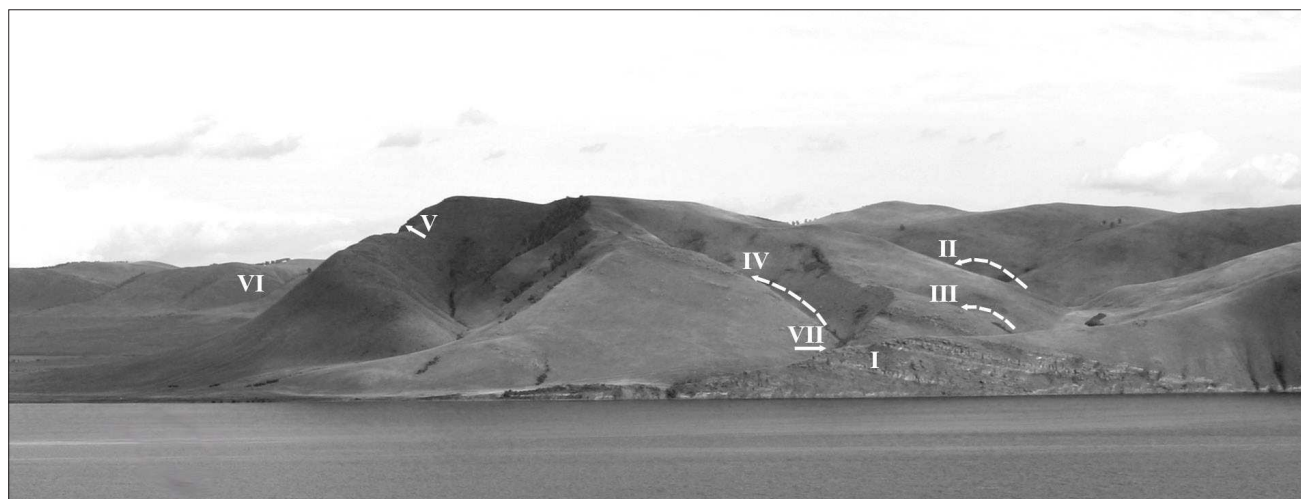

Рис. 2. Общий вид горы Суханиха с запада с указанием расположения местонахождений I–VII.

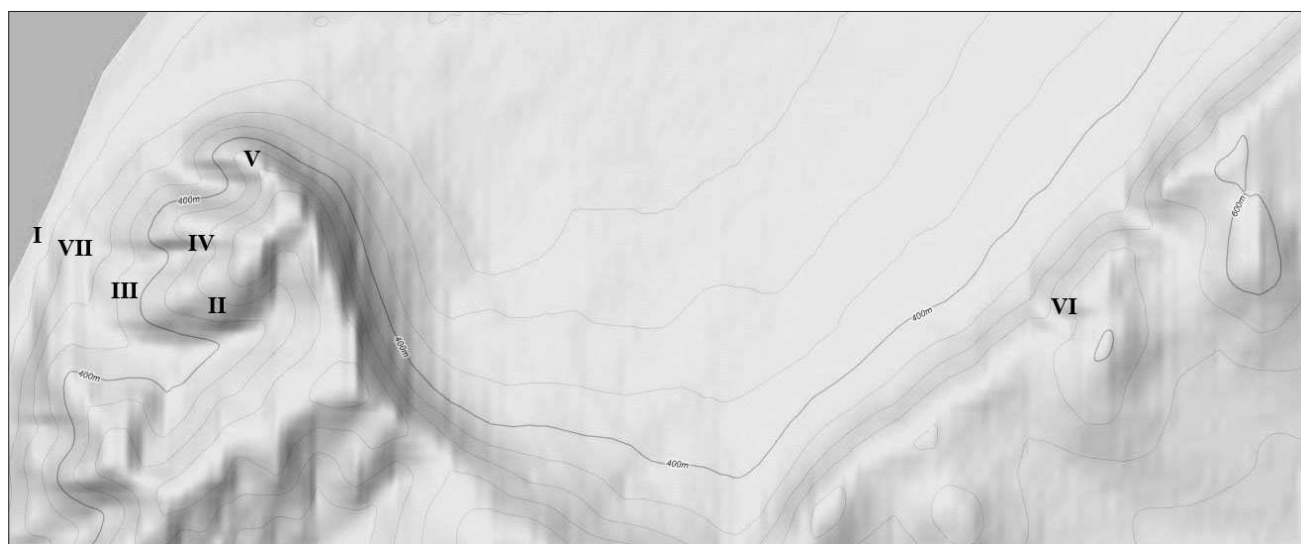

Рис. 3. Расположение местонахождений Суханиха I–VII в плане.

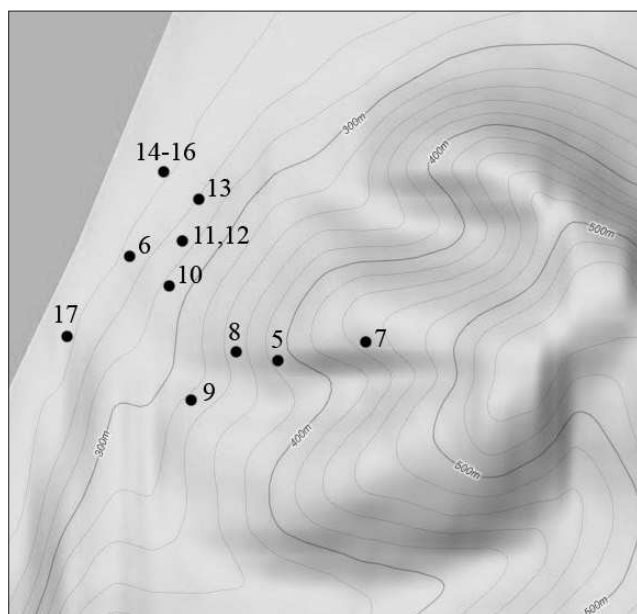

Рис. 4. Гора Суханиха. Показаны места расположения плоскостей, упоминаемых в статье. Номера на карте соответствуют номерам рисунков в статье.

Суханиха IV – самое большое по количеству рисунков местонахождение (известное как Основной лог), находится на юго-восточном склоне возвышенности в центральной части горы, к северу от пунктов Суханиха II и III и к востоку от береговой линии. Петроглифы нанесены на скальные выходы, тянущиеся шестью параллельными ярусами вдоль всего склона. Наибольшая концентрация рисунков – на третьем и четвертом ярусах. На четвертом находится главная достопримечательность Суханихи – 12-метровое многофигурное скальное панно [Дэвлет, 1982], так называемый Большой фриз.

Суханиха V – местонахождение на северо-восточном склоне, параллельном р. Тубе. Небольшая группа рисунков сосредоточена на одном ярусе почти у самой вершины горы.

Суханиха VI – местонахождение, расположенное на некотором удалении от основного горного массива. Тубинский склон Суханихи, изгибаясь дугой вдоль Потрошиловской протоки, протянулся на несколько

километров чередой небольших возвышенностей почти до самой Тубы, где они подходят к горе Моисеиха. Примерно на трети пути от Суханихи к Моисеихе среди этих возвышенностей есть большой лог, где на юго-восточном склоне сосредоточено несколько плоскостей с изображениями. У Адрианова это местонахождение обозначено как «Щель».

Суханиха VII – не существующее в настоящее время местонахождение, локализованное нами по описанию А. В. Адрианова (см. ниже). Находилось на внутреннем, восточном склоне той же береговой гряды, на западном склоне которой расположены петроглифы Суханихи I.

В ходе работ по редокументированию в основном уточняются ранее известные композиции, более тщательно документируются контуры рисунков, выявляются новые детали, на копии обозначаются особенности субстрата, фиксируются утраты скальной корки, внутренние полости и др. повреждения [Миклашевич, 2009, с. 323, рис. 1–I]. Часто уточнение известных рисунков происходит в результате расчистки лишайников. Так, например, благодаря этому на известной и много раз публиковавшейся сцене [Francfort, Sacchi, 1993, fig. 44; Miklashevich, Pyatkin, 1998, Fig. 7; Советова, 2005, рис. 19А; и др.] из местонахождения Суханиха IV с изображением двух оленей и противостоящего им лучника, в правой части плоскости было выявлено изображение еще одного животного с декорированным туловищем, а лучник оказался сидящим на лошади (?) (рис. 5). Уточненная копия показывает, что головной убор лучника имеет вид типичной «остроконечной шапки» скифского времени, а одежда его вовсе не украшена развевающимися лентами [Советова, 2005, с. 48]. Возможно, следует с большей осторожностью подходить и к трактовке этой сцены как сцены Великой охоты, которая была основана на представлении о том, что здесь изображен «ограниченный круг персонажей с двумя (тремя) соподчиненными героями: лучник-охотник (либо лук) и олень (либо олени)» [Там же].

На местонахождении Суханиха I в 2003 г. в результате расчистки от лишайника выявлена новая плоскость с необычными контурными изображениями оленей в стиле, близком к «минусинскому» (см. напр., манеру изображения морды у нижней фигуры оленя), но все же имеющих некоторые особенности, сближающие их с рисунками эпохи бронзы (рис. 6). Плоскость находится в верхней части береговых скальных выходов (подход – сверху). Ориентирована на ЗСЗ. Координаты: N 53°52'147" E 91°27'254". Возможно, выявленные изображения – только часть композиции, поскольку в правой нижней части отмечено выпадение большого фрагмента скального блока и отслое-

ние скальной корки на большом участке. Белесый кальцитовый натек справа от нижних фигур оленей указывает на то, что здесь была обширная внутренняя полость под скальной коркой, под которой застилавалась вода. Сейчас наличие внутренней полости отмечено в нижней части сохранившегося фрагмента композиции.

На местонахождении Суханиха IV неожиданное открытие было сделано на самой известной композиции памятника – Большом фризе. Здесь сосредоточено более 130 разновременных изображений, среди которых выделяется группа стремительно бегущих вправо животных [Дэвлет, 1982], самые первые из которых были нанесены, по всей вероятности, в окуневское время; среди них – три бегущих лошадки, как предполагалось, диких [Миклашевич, 2006, с. 194]. Об открытии еще одного изображения бегущей лошади на Суханихе нам было сообщено в 2007 г. Ю. Н. Есиным, за что хотелось бы выразить ему глубокую благодарность. При полевых работах 2008 г. выяснилось, что это изображение находится на Большом фризе, на скальном блоке, расположенном немного ниже основной плоскости, и скрытом под слоем отложений, накопившихся у подножия фриза. Потревоженный грунт просел, и над землей была видна верхняя часть спины и хвоста животного. Частичное удаление отложений под Большим фризом впервые было предпринято А. Л. Заикой в 1995 г., и открытие им великолепного изображения лошади ниже столь хорошо известной композиции лишней раз доказывает перспективность его метода. Плоскость было заново расчищена и после обследования вновь закрыта грунтом. Изображение лошади (рис. 7) выполнено в том же стиле, что и ранее известные фигуры бегущих лошадей и лосей, с перекрещивающимися в размашистом беге ногами, однако отличается отсутствием прошлифовки по выбитым контурам, более изящным исполнением головы животного и, главное, манерой изображения гривы отдельными линиями (у других суханихинских лошадей грива вообще не изображена). Эта иконографическая деталь ставит обнаруженное изображение в ряд других окуневских лошадей с моделированной гривой: одна на горе Тюря, две – на плитах могильника Лебяжье [Там же, рис. 1, 2, 5]. К ним же можно отнести и изображение лошади, зафиксированное нами на Сульфатных горах [Миклашевич, 2008, рис. 1-2]. Способы показа гривы у всех этих изображений разные, что заставляет задуматься, изображены ли здесь дикие лошади, чьи развевающиеся гривы показаны отдельными полосками-прядами, или же это одомашненные (прирученные?) животные с заплетенными или каким-то иным способом оформленными гривами?

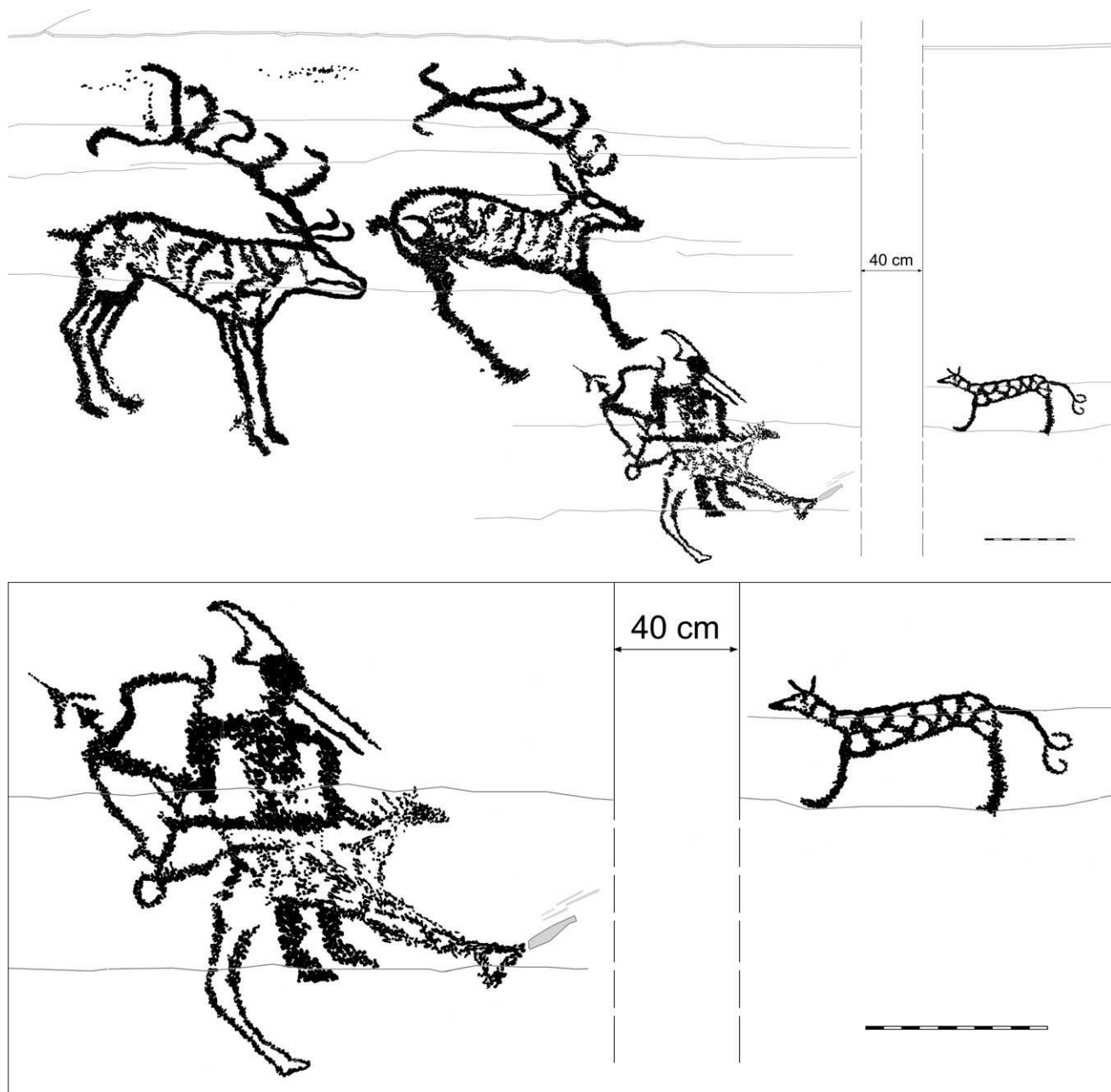

Рис. 5. Уточненная прорисовка известной плоскости из местонахождения Суханиха IV. Общий вид и увеличенный фрагмент правой части.

В 2009 г. на этом же местонахождении, в самой западной его части, там, где еще не начинаются ярусы плоскостей с петроглифами, но довольно высоко на склоне, среди камнепада нами обнаружена отдельная плита с антропоморфными изображениями (рис. 8), близко напоминающими фигуры некоторых из известных плоскостей Суханихи. Датировка их пока неясна. Плита была обращена изображениями на юг, частично перекрыта другими камнями, в верхней части покрыта лишайником. Находка доставлена на хранение в фонды Музея Кемеровского государственного университета «Археология, этнография и экология Сибири». Координаты места, где плита была

найдена: N 53°52'015" E 91°27'508" h 373 m. По сообщению Н. В. Леонтьева, несколько отдельных плит с подобными же изображениями были им найдены в 1970-х гг. в устье основного лога. Плиты хранятся в Минусинском краеведческом музее им. Н. М. Мартынова, пока не опубликованы.

На небольшом хорошо известном местонахождении Суханиха III новая плоскость (рис. 9) была обнаружена в 2003 г. Н. В. Леонтьевым, принимавшим участие в работе экспедиции САИПИ. Петроглифы расположенных почти параллельно друг другу местонахождений Суханиха II, III и IV находятся на скальных выходах открытых южных склонов, северные же

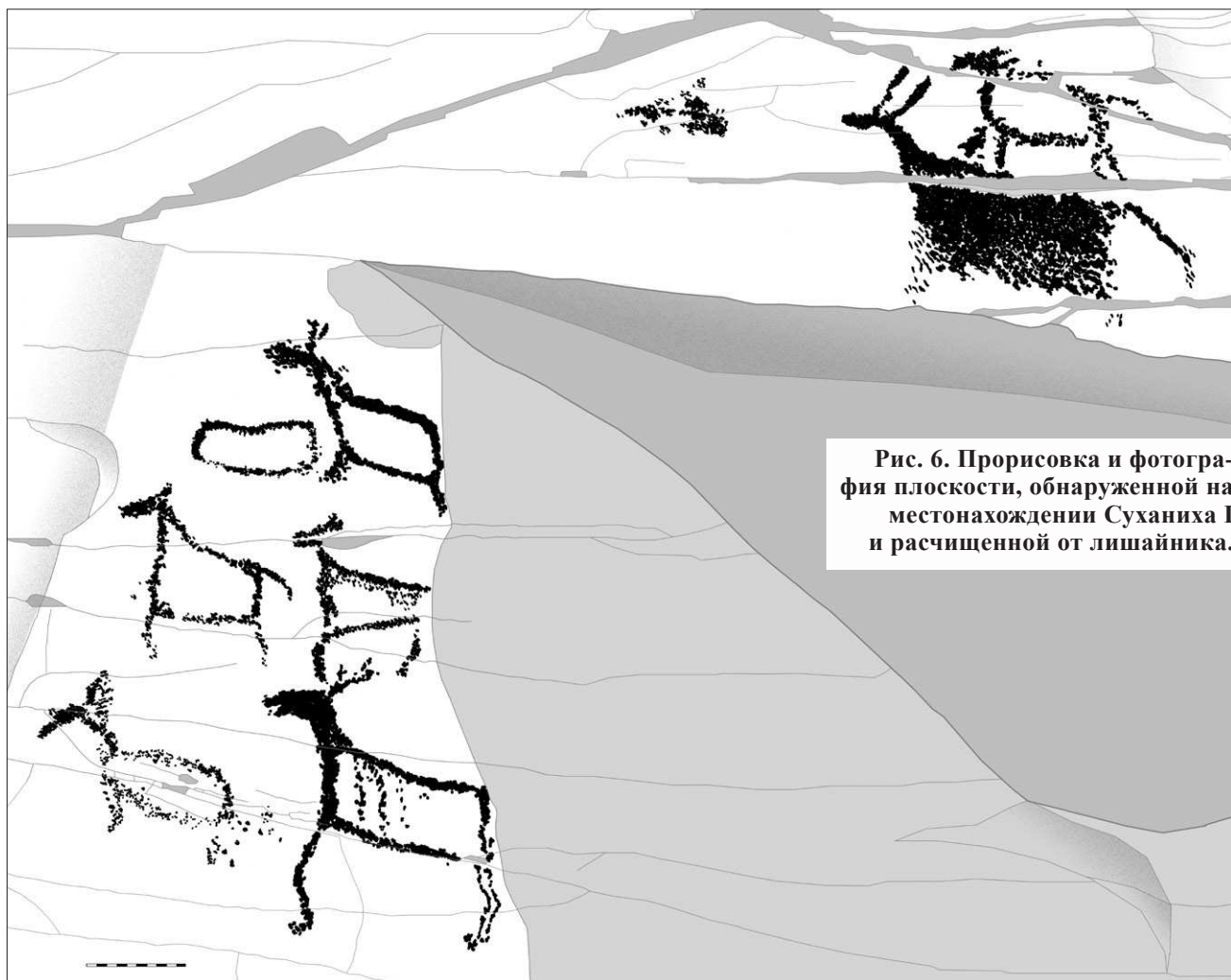

Рис. 7. Прорисовка и фотография нового изображения бегущей лошади, которое было скрыто отложениями под известным Большим фризом местонахождения Суханиха IV.

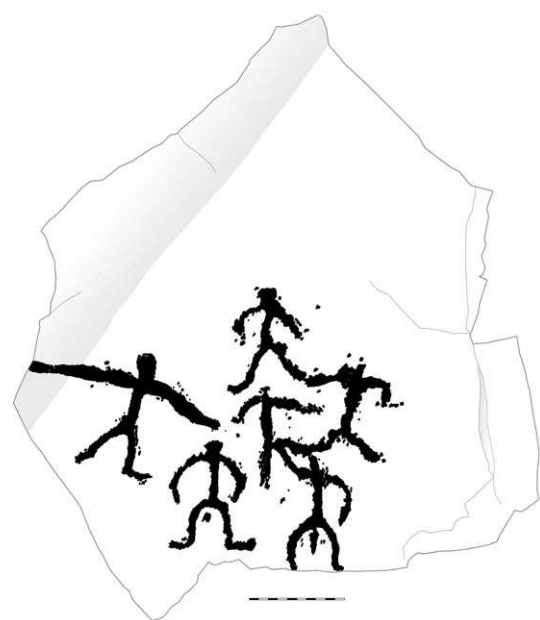

Рис. 8. Прорисовка и фотография плиты с изображениями, найденной на местонахождении Суханиха IV.

склоны этих горных гряд гораздо более крутые, покрыты деревьями и кустарниками, то есть, кажутся совершенно не подходящими для поиска петроглифов. Это, однако, не остановило пытливого исследователя от осмотра и этих склонов, в результате чего на северном склоне Суханихи III, в западной части гряды были найдены неизвестные ранее изображения, находящиеся на значительном удалении от основной группы рисунков этого скопления. Петроглифы выбиты на нехарактерном для памятника песчанике серого цвета, находятся в небольшой «нише», укры-

той навесом, близко от уровня земли. Изображена фигура неопределенного животного, выполненная в ажурном стиле скифской эпохи, а также схематические антропоморфные фигуры и неопределимые остатки выбивки. Контуры изображений сглажены и неясны вследствие рыхлости породы и действия лишайников и мхов, которыми была покрыта плоскость. Укрытая навесом, она почти не освещается солнцем, поэтому «проявить» рисунки удалось только способом микалентной натирки (рис. 9) после того, как они были очищены от лишайника и мха. Координаты

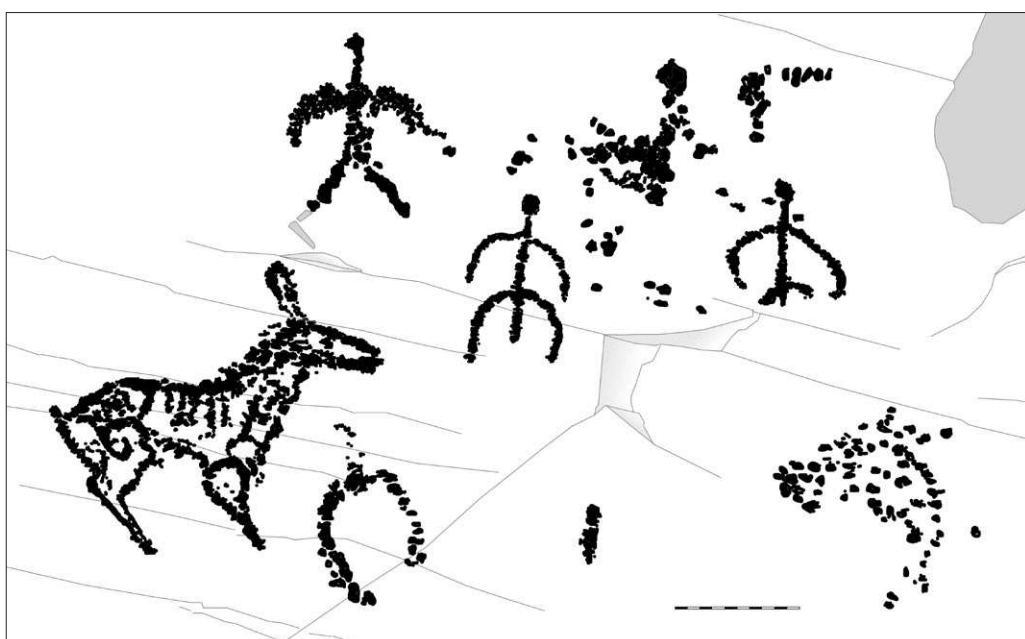
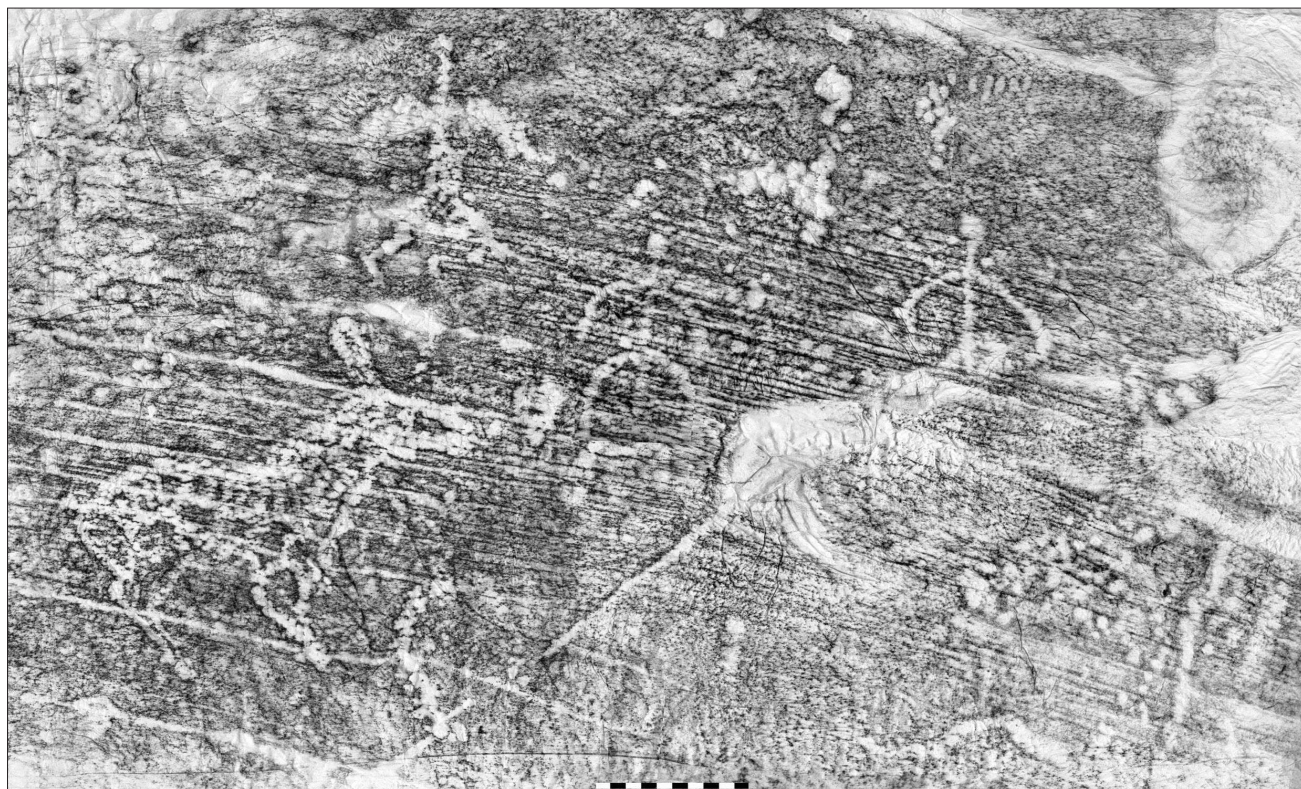

Рис. 9. Микалентная копия и прорисовка плоскости, обнаруженной на местонахождении Суханихи III.

плоскости: N 53°52'005" E 91°27'391". Экспозиция северная.

Целая серия неизвестных ранее рисунков Суханихи выявлена нами в результате архивных изысканий. На нескольких эстампажах Адрианова были изображения фигур, которые никогда не попадались при обследовании памятника. Сопоставление этих эстампажей с текстом рукописи и соответствующие расчеты на самом памятнике привели нас к заключению, что во времена А. В. Адрианова существовало еще одно местонахождение на Суханихе, не сохранившееся до наших дней. Адрианов очень подробно, с указанием точных расстояний описывает свои перемещения на памятнике, а сопоставление его описаний плоскостей с известными нам изображениями позволило достаточно точно определить на местности те плоскости, изображения которых мы в оригинале не знали.

«Спускаясь вниз по основному логу, – пишет Адрианов, – мы встретим в 600 шагах (276 саж. по пedomетру) от только что описанной писаницы <большое таштыкское панно в самом начале местонахождения Суханиха II. – Е. М.> устье третьего лога справа; отсюда в 480 шагах (171 саж. по пedomетру) устье следующего, четвертого ложка справа, – это тот самый лог, в вершине которого находится вышеописанная большая писаница XX-37-86 <Большой фриз на Суханихе IV>. Ниже устья этого ложка на 260 шагов (119 саж. по пedomетру), именно где основной лог становится круто утесистым, на левой его стороне, на высоте около 4 саж. над дном лога, на небольшой грани камня находится одна фигура, в которой нельзя не узнать весьма характерно изображенного домашнего козла, фигура выбита мелким сплошным пунктиром, головой изображена вниз по логу; размеры ее 14×11 см. <так в рукописи>; она воспроизведена на эстамп. XX-11» [Адрианов, 1906, Л. 38, 39]. Прорисовка, сделанная с эстампажа № 11 представлена на **рис. 10**. Далее в рукописи приводится описание следующих плоскостей: «На той же стороне, в 200 шагах ниже, на высоте 1½–2 саж. от дна лога находятся четыре фигуры; две левые фигуры изображают тигров, идущих один за другим вниз по логу (низкие стоячие уши, длинный хвост с пучком на конце, круглая голова – характерная черта фигур): они сделаны сплошной поверхностной выбивкой, правый – размер 27×16 см., левый – 20×13 см., они эстампированы под № XX-12» (**рис. 11**). «На 15 см. правее и на 15 же см. выше изображены пунктирным контуром два лежащих диких козла; они занимают место в 34 × 11 см и эстампированы под № XX-

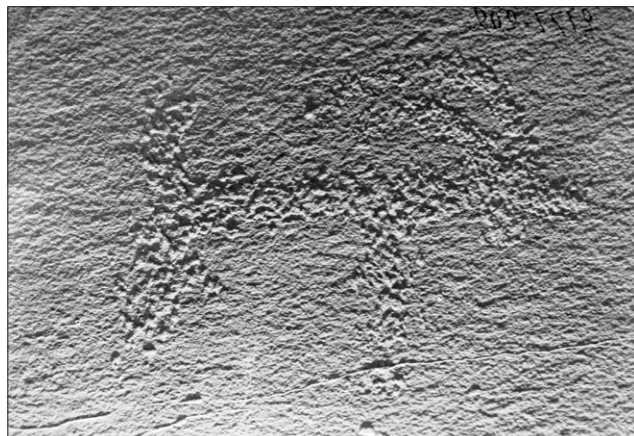

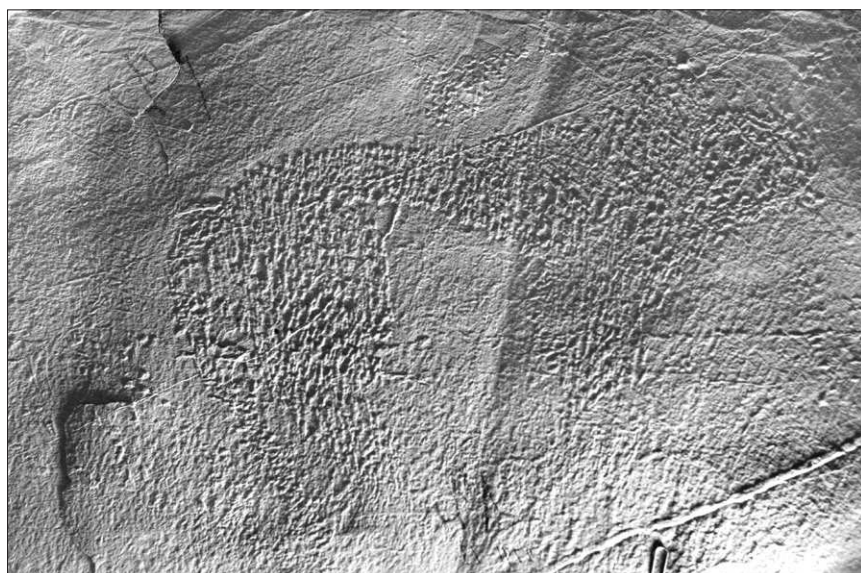
Рис. 10. Суханиха VII. Эстампаж XX-11 и сделанная по нему прорисовка.⁵

13» (**рис. 12**). «Тут же тонкой сплошной чертой художественно вырезаны фигуры лошадей, оленей и поделаны тонкие штрихи другой рукой, подобные найденным на Тепсее (см. ниже), но порода сильно лупится, отстает и отпадает, так что от этих фигур остаются лишь следы. Пользуясь этими признаками я искал здесь руноподобных надписей, но не нашел. На сажень правее, на гладкой грани утеса выбита очень мелко фигура, ниже ее две человеческие фигуры, а левее какая-то неясная фигура и левей ее еще фигура тигра – обе фигуры животных изображены идущими вверх по логу. Правее всех этих фигур усматривается снова штриховой рисунок: мелким пунктиром изображен человек и правее его какое-то животное, но эстампажа всех этих фигур не удалось сделать. Тут же встречаются и современные упражнения в изготовлении писаниц. Этот основной лог дальше выходит узкой и глубокой щелью на протоку, отгибаясь влево, а по прямому от него направлению, если перейти через небольшой перевал, открывается ложбина, с левой стороны отделенная от протоки Енисея утесистым отрогом, скоро оканчивающимся (у заимки Коловского), а справа тянется массив Суханихи. В 260 шагах (131 саж. по пedomетру) вниз от последних описанных фигур, ниже устья лога, на левой стороне, именно на конце утесов, подходящих к протоке, находятся 4 фигуры, занимающих

⁵ Здесь и далее фотографии эстампажей показаны в зеркальном отображении, чтобы ориентировка изображений совпадала с оригинальной.

Рис. 11. Суханиха VII. Эстампаж XX-12 (правая часть) и сделанная по нему прорисовка.

что они недавнего происхождения. Возможно, что плоскости с петроглифами погибли в результате выломки камня для строительных нужд. Припоминается, что еще в 1980-х гг. в этом логу были какие-то каменные конструкции, состоящие из рядов горизонтально уложенных ровных плиток, вполне возможно, что это были заготовленные на вывоз кладки. Может быть, конечно, эти петроглифы погибли в результате

место 73×49 см., — слева олень, перед ним справа какое-то животное и еще правее и ниже фигура оленя; под первой фигурой оленя изображен крест такого вида <рисунок>, что напоминает свастику; фигуры эстампированы под № XX-14» (рис. 13) [Там же, л. 39].

Таким образом, А. В. Адрианов описывает не менее пяти плоскостей с изображениями, находящихся на внутреннем восточном склоне гряды береговых утесов Суханихи, на нижних скальных выходах вдоль глубокого лога, идущего параллельно Енисею, примерно в том месте, где расходятся на восточную сторону устья трех логов, над которыми с севера возвышаются склоны Суханихи II, III и IV. Первая и последняя описываемые плоскости находились на расстоянии около 0,5 км друг от друга, примерно посередине между ними располагалась группа рядом расположенных плоскостей. В 2009 г., руководствуясь описанием Адрианова, мы проверили это место несколько раз (кстати, в предыдущие годы тоже предпринимались попытки обнаружить петроглифы на этом склоне), но никаких изображений не нашли. Здесь есть скальные выходы и хорошие ровные плоскости, но, похоже,

естественных разрушений. Вывалы скальных блоков здесь есть. Кроме того, лог, вдоль которого располагались описанные Адриановым изображения, очень узок и глубок, и в настоящее время почти на всем протяжении дно его скрыто в густых и запутанных зарослях деревьев, кустарника и крапивы. С большим трудом продираясь между ними, мы видели несколько подходящих скальных выходов, скрытых корнями растений и мохом. Рисунков на них тоже не обнаружено, но, конечно, сохраняется некоторая вероятность того, что на каких-то других, подобраться к которым не удалось, они есть. Все же, мы склоняемся к тому, что данное местонахождение навсегда утрачено. Но поскольку большую часть его изображений удалось восстановить по эстампажам, а по описанию определить локализацию, мы присвоили ему индекс Суханиха VII и включаем в число местонахождений комплекса наскальных изображений горы Суханиха (рис. 2, 3).

Адрианов сделал четыре эстампажа (№№ 11–14) с петроглифов Суханихи VII, но к огромному нашему сожалению, ему не удалось эстампировать гравированные рисунки третьей плоскости, судя по описанию, чрезвычайно интересные («тонкой сплошной

Рис. 12. Суханиха VII. Эстампаж XX-13 и сделанная по нему прорисовка.

Рис. 13. Суханиха VII. Прорисовка, сделанная по эстампажу XX-14.

чертой художественно вырезаны фигуры лошадей, оленей»), и всю четвертую плоскость, где были, судя по всему, многочисленные выбитые и гравированные изображения, возможно, тагарского времени, так как там тоже упоминается «фигура тигра», скорее всего аналогичная тем, которые так мастерски изображены на второй плоскости.

Благодаря эстампам и рукописи Адрианова, удалось выявить и восстановить исчезнувшие рисунки и на береговых скалах – Суханихе I. «Обогнув конец этого утеса, – пишет далее А. В. Адрианов, – повернув на противоположную его сторону, круто спускающуюся к протоке (Потрошиловской) Енисея, и идя вверх и вдоль протоки, мы встречаем на утесистых выступах целый ряд выбитых фигур. Первые фигуры находятся как раз на противоположной фигурам XX–14 стороне, на высоте одного метра от земли, это две неясных, слабо выбитых пунктирной чертой каких-то фигуры, эстамп. XX–15» [Там же]. Эстампажа с номером 15 нам обнаружить не удалось, рисунков в описываемом месте найти – тоже. «В 15 саж. отсюда, на высоте сажени, выбит кружок такого вида <рисунок>, эстамп. XX–16. На аришин правее и повыше выбит другой такой же кружок эстамп. XX–17». Кружок с точкой в центре, изображенный на эстампаже 16 (рис. 14), на скале к настоящему времени не сохранился, а тот, что изображен на эстампаже 17, пока существует. Однако в скором времени может исчезнуть и он. Уже в 1904 г. был утрачен фрагмент скальной корки снизу, но справа в верхней части была только глубокая трещина. В 2009 г. фрагмент корки по этой трещине уже отпал. Сохраняющийся пока фрагмент с изображением кружка тоже постепенно отходит от скалы (рис. 15). «Аришина на

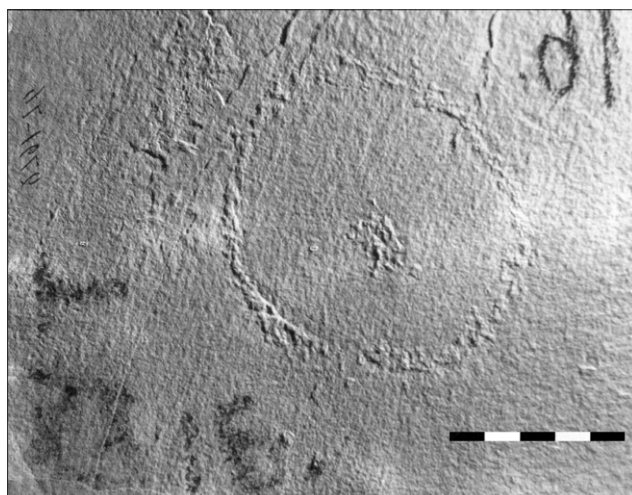
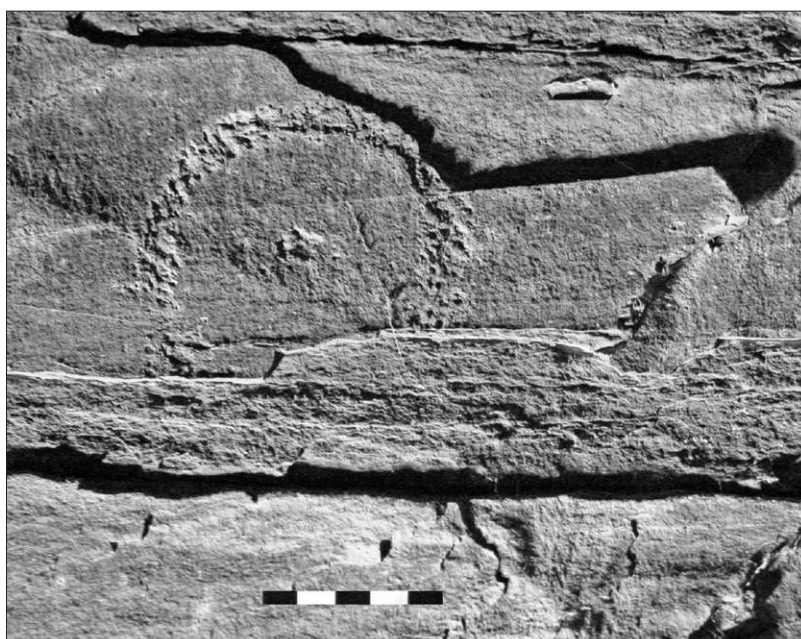

Рис. 14. Суханиха I. Эстамп XX-16.

два правее в утесе образовалась глубокая ниша, представляющая укромный уголок, где 5–6 человек могут укрыться от дождя; на грани этой ниши, обращенной к протоке, контуром выбито 5 фигур, занимающих место 92×30 см., – слева собака (головой вправо), правее ее два каких-то животных, хвостами друг к другу, перед правым из них, упираясь в его шею, стоит козел, а ниже его какая-то непонятная фигура, эстамп. XX–18». Эту нишу мы не смогли обнаружить, несмотря на то, что было совершенно ясно где ее искать, поскольку в полутора метрах левее от нее должен был находиться сохранившийся кружок, а сразу же за ней Адрианов описывает другую нишу с многочисленными изображениями, хорошо известную всем, бывавшим на Суханихе, как «Грот». Может быть, в описание вкралась какая-то ошибка, а может быть, изменения в структуре береговых скал из-за

Рис. 15. Суханиха I. Эстамп XX-17 и фотография этого же изображения на скале, сделанная в 2009 г.

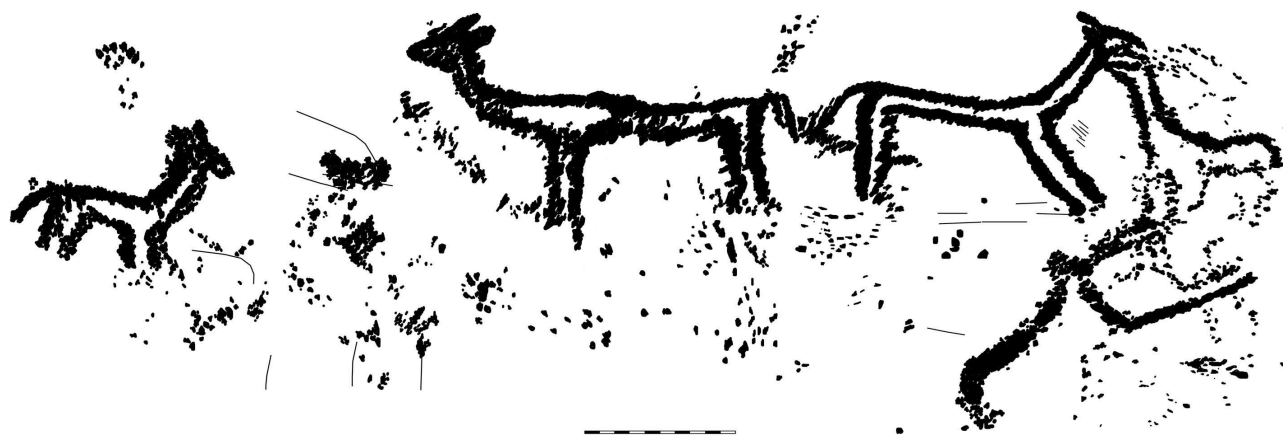

Рис. 16. Суханиха I. Прорисовка, сделанная по эстампажу XX-18.

Рис. 17. Суханиха I. Эстампж XX-23 и сделанная по нему прорисовка.

разрушений, вызванных действием водохранилища, были столь велики, что первая ниша исчезла. Как бы то ни было, петроглифы, запечатленные на эстампаже 18, мы не нашли, прорисовка этой плоскости выполнена по эстампажу (рис. 16).

И, наконец, еще один рисунок – высокохудожественное изображение лося, выполненное в «ангарском» стиле (рис. 17) – стал известным также только по эстампажу Адрианова. Судя по описанию, он находился в 350 м от «Грота» вверх по протоке, «на самом верхнем выступе утеса, на одной из граней двугранного угла (именно на грани, обращенной вниз по протоке)» [Там же, л. 40]. От него до хорошо известной плоскости с крупным пятнистым оленем в «минусинском» стиле [Шер, 1980, рис. 65] Адрианов указывает расстояние в 63 сажени (ок. 130 м) и пишет, что она расположена «на той же высоте», то есть локализацию грани с изображением лося определить нетрудно. Но найти ее не удалось. Скорее всего, она утрачена, хотя может быть, и нет. На указанном участке берег подвергся столь сильным разрушениям, обвалам и осыпям, что подходы к еще сохраняющимся скальным выходам стали невозможными.

В заключение хотелось бы выразить искреннюю признательность тем, благодаря чьей постоянной помощи и поддержке стало возможным выполнить эту работу: Л. Л. Бове, Н. В. Леонтьеву и А. Н. Мухаревой, принимавшим участие в полевых исследованиях; М. А. Дэвлет, любезно предоставившей в наше распоряжение копию рукописи А. В. Адрианова; О. В. Яншиной и другим сотрудникам Отдела археологии МАЭ, помогавшим в работе с коллекцией эстампажей Адрианова. И, конечно же, учитывая повод, по которому формируется этот сборник, хотелось бы от всей души поздравить с круглой датой Якова Абрамовича, с которым мне посчастливилось впервые встретиться еще студенткой в экспедиции, работавшей на памятниках Среднего Енисея (в том числе, и на нашей любимой Суханихе), кто первым познакомил меня с копией рукописи Адрианова и фотографиями его эстампажей, с кем довелось поработать на многих памятниках наскального искусства, чей архив и библиотека всегда щедро открыты для всех, и пожелать ему здоровья, счастья, благополучия, талантливых учеников, благодарных последователей, новых книг и научных открытий!

Библиография

- Адрианов А. В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. командированным Комитетом А. В. Адриановым // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. № 4. – СПб., 1904.
- Адрианов А. В. Писаницы Енисейской губернии. Отчет за 1904 г. – Томск, 1906. Рукопись. РА ИИМК РАН. Ф. 2, оп. 2, № 12.
- Дэвлет Е. Г. Новое в исследовании наскального искусства Северной Евразии // III Северный археологический конгресс. Доклады. – Екатеринбург, 2010.
- Дэвлет Е. Г., Миклашевич Е. А., Слободзян М. Б. Исследования петроглифов на р. Пегтымель в 2005 г. // Пегтымельская тетрадь. – М., 2006.
- Дэвлет Е. Г., Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н. Новейшие полевые исследования петроглифов Чукотки // Вестник РГНФ. № 3 (56). 2009.
- Дэвлет М. А. Бегущие звери на скалах горы Суханиха на Среднем Енисее // КСИА. Вып. 169. 1982.
- Заика А. Л. Полевые исследования петроглифов (на примере Шалаболинской писаницы) // Мир наскального искусства. – М., 2005.
- Заика А. Л., Дроздов Н. И. Шалаболинская писаница (результаты исследования 2001–2004 годов) // Мир наскального искусства. – М., 2005.
- Ковалёва О. В. Исчезнувшие рисунки Майдашинской писаницы // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы. – Абакан, 2009.
- Ковтун И. В., Марочкин А. Г., Русакова И. Д. Археологические комплексы в устье р. Долгая и культурно-хронологическая атрибуция петроглифов Новоромановской писаницы // Материалы научной сессии Института экологии человека СО РАН 2010 года. Вып. 2. – Кемерово, 2010.
- Ковтун И. В., Русакова И. Д., Миклашевич Е. А. Обследование памятников наскального искусства Нижнего Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. Т. XI. Ч. 1. – Новосибирск, 2005.
- Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. – Новосибирск, 1978.
- Леонтьев Н. В. Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. – Абакан, 1980.
- Лобанова Н. В. Петроглифы Старой Залавруги: новые данные – новый взгляд // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1(29). 2007.
- Миклашевич Е. А. О проекте САИПИ по сохранению, консервации и музеефикации памятников наскального искусства // Вестник Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. № 5. 2002.
- Миклашевич Е. А. Памятники Минусинской котловины (Республика Хакасия, Красноярский край) // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы, 2004.
- Миклашевич Е. А. Документирование памятников наскального искусства в Хакасии и на юге Красноярского края в 2008 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат-лы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2008. Т. XIV. Ч. 1. – Новосибирск, 2008.
- Миклашевич Е. А. Документирование памятников наскального искусства в Хакасии и на юге Красноярского края в 2009 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат-лы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 года. Т. XV. – Новосибирск, 2009.
- Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н. Новые петроглифы Калбак-Таша. К вопросу о расчистке наскальных рисунков от лишайников // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VII. – Кемерово, 2011.
- Миклашевич Е. А., Ожередов Ю. И. Фотографии сибирских писаниц в наследии А. В. Адрианова // Тропую тысячелетий. К юбилею М. А. Дэвлет. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. IV. – Кемерово, 2008.
- Николаев В. С., Мельникова Л. В. Петроглифы Кудинской долины. – Иркутск, 2008.
- Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск, 2005.
- Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово, 1999.
- Франкфор А.-П., Якобсон Э. Подходы к изучению петроглифов Северной, Центральной и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2(18). 2004.
- Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М., 1980.
- Anninsky E. S., Zaika A. L. et al. Cave Art of the Middle Enisey. – Zheleznogorsk, 2007.
- Francfort H.-P. et Sacchi D. Archéologie et histoire de l'art // Francfort H.-P., Sacchi D., Sher Ja. A., Solielhavoup F., Vidal P. Art rupestre du bassin de Minusinsk: nouvelles recherches franco-russes. Arts Asiatiques. Tome XLVIII. 1993.
- Miklashevich E. A., Pyatkin B. N. The petroglyphs at Sukhanikha Mountain (Middle Yenisei) // International Newsletter on Rock Art. № 21. 1998.